

АНРИ МЮРЖЕ

АНРИ МЮРЖЕ

СЦЕНЫ
ИЗ ЖИЗНИ БОГЕМЫ

Москва
2024

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
М98

Henri Murger
SCENES DE JEUNESSE

Перевод с французского и примечания
Евгения Гунста

Художественное оформление серии
Луизы Бакировой

Иллюстрация в марке серии:
© *lelevien* / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Мюрже, Анри.

М98 Сцены из жизни богемы : роман / Анри Мюрже ; [перевод с французского и примечания Е. Гунста]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-199643-7

Поэт, композитор, художник и философ живут без оглядки на завтрашний день, творят, не стесняя себя никакими рамками, живут впроголодь, но всегда надеются на лучшее.

Анри Мюрже прожил короткую, но яркую жизнь. В своих изящных немногословных текстах он удачно сочетает веселье и горе, откровенный смех и воспроизведение личного опыта доблестно перенесенной нищеты.

Живая, остроумная и трогательная повесть Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы» была написана более ста шестидесяти лет назад, но по сей день этот текст остается не только живым свидетельством тогдашней парижской жизни, но и литературным мифом, питавшим несколько поколений читателей.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

© Гунст Е.А., перевод на русский язык, наследники, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199643-7

I

КАК ОБРАЗОВАЛСЯ КРУЖОК БОГЕМЫ

Вот каким образом случай, который скептики именуют поверенным господу бога, в один прекрасный день свел людей, братское содружество которых позднее превратилось в кружок той богемы, с какой автор этой книги попытается познакомить читателей.

Однажды утром (это было 8 апреля) Александр Шонар, посвятивший себя двум свободным искусствам — живописи и музыке, — был внезапно разбужен боем курантов, мелодию которых исполнял соседский петух, заменявший ему часы.

— Черт подери! — воскликнул Шонар. — Мой пернатый будильник спешит, не может быть, чтобы уже настало «сегодня».

С этими словами он соскочил с некоего хитроумного сооружения, созданного им собственноручно, сооружение это по ночам служило кроватью (и, не в обиду ему будь сказано, служило неважно), а днем заменяло все прочие предметы обстановки, отсутствовавшие по причине лютых прошлогодних холодов. Как видите, сооружение было на всякую потребу.

Поеживаясь от пронизывающего утреннего холода, Шонар поспешно напялил на себя атласную нижнюю юбку розового цвета, усыпанную блестящими звездочками, — она служила ему халатом. Эту мишуру забыла у него как-то после маскарада девушка, изображавшая Безрассудство и безрассудно поддававшаяся обманчивым обещаниям Шонара: в ту ночь он нарядился маркизом де Мондором и соблазнительно позвякивал дюжиной эку, в действительности то были фантастические монеты, просто-напросто вырезанные из металлической пластинки и заимствованные Шонаром в реквизите какого-то театра.

Облачившись в домашнее платье, художник распахнул окно и ставни. Луч солнца, как яркая стрела, мгновенно проник в комнату, и Шонар невольно вытаращил глаза, еще подернутые дремотной дымкой, в это время на соседней колокольне пробило пять.

— И в самом деле, светает, — прошептал Шонар, — как странно! Однако, — добавил он, взглянув на календарь, пришпиленный к стене, — никакой ошибки тут нет. Наука утверждает, что в это время года солнце должно всходить в половине шестого. Еще только пробило пять, а оно уже на ногах. Неуместное рвение! Светило вольничает, я пожалуюсь в Астрономический комитет! Но все же надо пошевеливаться. Есть все основания полагать, что сегодняшний день

наступил после вчерашнего, а так как вчера было седьмое число, — если только Сатурн не повернул вспять, — то сегодня — восьмое, а если верить этому документу, — сказал Шонар, перечитывая прикрепленную к стене повестку о выселении судебным порядком, — то именно сегодня, ровно в двенадцать, я должен освободить помещение и вручить домовладельцу, господину Бернару, семьдесят пять франков за девять минувших месяцев, которые он требует с меня в крайне нелюбезных выражениях. Я, как обычно, надеялся, что подвернется счастливый случай и дело будет улажено, но, видно, случаю было недосуг. Как бы то ни было, впереди у меня еще шесть часов, если их употребить с толком, быть может, как-нибудь... Итак, итак — вперед! — добавил Шонар.

Он уже собрался надеть пальто, ворс которого, некогда пышный, сильно облысел, как вдруг, словно его укусил тарантул, принялся исполнять хореографические номера собственной композиции, благодаря которым он на общественных балах уже не раз достаивался лестного внимания полицейских.

— Подумать только! — вскричал он. — Просто невероятно, как утренний воздух способствует возникновению идей! Кажется, я набрел на мелодию! Посмотрим...

Тут Шонар, полуодетый, сел к роялю, разбудил дремлющий инструмент каскадом бурных аккордов

и начал, приговаривая, развивать на клавишах мелодию, которую так долго искал.

— До, соль, ми, до, ля, си, до, ре, бум, бум! Фа, ре, ми, ре. Ай, ай! Это ре фальшивит, как Иуда, — буркнул Шонар, яростно выколачивая сомнительную ноту. — Попробуем в миноре... Минор должен тонко передать грусть девушки, которая у голубого озера гадает на белой ромашке. Идея, правда, не первой свежести. Но что поделаешь, такова мода, и ни один издатель не решится напечатать романс, если в нем нет голубого озера. Приходится с этим считаться... До, соль, ми, до, ля, си, до, ре. Недурно! Тут возникает представление о маргаритке, особенно если человек силен в ботанике. Ля, си, до, ре. Ну и подлое же это ре! Теперь, чтобы дать представление о голубом озере, нужно что-нибудь влажное, лазурное, лунный свет (без луны не обойтись!). Да вот оно, получается! Не забыть еще лебедя!.. Фа, ми, ля, соль, — продолжал Шонар, передавая плеск воды кристальными переливами верхней октавы. — Остается только прощанье девушки — она решает броситься в голубое озеро, чтобы соединиться с возлюбленным, который погребен под снегом. Развязка не вполне понятная, зато интересная, — прошептал Шонар. — Тут надо что-то нежное, меланхолическое. Вот, вот, выходит! Эти такты льют слезы, как Магдалина, от них раскалывается

сердце. Брр! — буркнул Шонар, дрожа в юбке, усеянной звездочками. — Если бы от этих звуков раскололось полено! В алькове у меня балка, которая страшно мешает, когда у меня к обеду... гости. Она дала бы немного тепла. Ля, ля... ре, ми... а то у вдохновения может начаться насморк. А, наплевать! Утопим же девушку окончательно!

Пальцы Шонара терзали покорную клавиатуру, глаза горели, слух был насторожен, он гнался за мелодией, а она, как неуловимая сильфида, реяла в звучном тумане, которым вибрирующий инструмент, казалось, наполнял комнату.

— Теперь посмотрим, вяжется ли музыка со словами стихотворения, — продолжал Шонар.

И он гнусавым голосом промурлыкал следующие строки, как бы специально написанные для комической оперы или уличной песенки:

Белокурая красotka,
Сбросив кружевную шаль,
К звездам взор туманный, кроткий
Устремляет томно вдаль.
И лазурь волны сияет
На озерном серебре...

— Что за вздор! Что за вздор! — воскликнул Шонар в порыве справедливого негодования. — Лазурная волна на серебряном озере! Я это просмо-

трел! Это уж чересчур романтично! Поэт — идиот! Он, значит, никогда не видел ни серебра, ни озера. Впрочем, и вся баллада — галиматья! Ритм стиха только помеха для моей музыки. Впредь буду писать стихи сам и приступлю к делу немедленно, сейчас я в ударе, не сходя с места сочиню куплеты и приспособлю к ним музыку.

Шонар схватился руками за голову и застыл в торжественной позе, как смертный, вступивший в общение с Музами.

В итоге этого эфирного сожительства несколько минут спустя появились на свет те нелепости, которые любой сочинитель либретто сам же справедливо называет «чудовищами» и без особого труда мастерит в расчете, что они послужат канвой для вдохновения композитора.

Но дело в том, что чудовище Шонара обладало здравым смыслом, оно довольно ясно передавало волнение, охватившее автора при мысли, что настал роковой срок: 8 апреля!

Вот эта строка:

Восемь! Цифра роковая!
Как ее мне избежать?
Кто бы мог, не рассуждая,
Восемьсот мне франков дать?
Был бы я счастливый малый,
Вот бы славно покутил!
А при случае, пожалуй,
И долги бы заплатил.

Припев:

Услыхав без четверти двенадцать
Башенных часов удар,
Был бы рад я честно расквитаться
С вами, господин Бернар!

— Черт возьми! — воскликнул Шонар, перечитывая свое произведение. — «Двенадцать» и «расквитаться» — рифма не ахти какая богатая, но обогащать ее мне некогда. Посмотрим теперь, как ноты сочетаются со слогами.

И снова раздался его ужасный гнусавый голос. Явно удовлетворенный достигнутым результатом, Шонар приветствовал свое детище радостной гримасой, которая появлялась на его лице всякий раз, когда он бывал доволен собою. Но это горделивое блаженство длилось недолго.

На ближней колокольне пробило одиннадцать. Удары колокола один за другим проникали в комнату, и насмешливые их звуки как бы говорили несчастному: «Готов ли ты?»

Шонар подскочил на месте.

— Время несется, словно лань, — промолвил он. — На поиски семидесяти пяти франков и нового пристанища. У меня остается всего только три четверти часа! Едва ли я успею что-нибудь сделать, теперь уже нужна магия. Итак, даю себе пять минут на решение этой проблемы.

И, уронив голову на грудь, он погрузился в бездны размышления.

Пять минут прошли, и Шонар очнулся, так и не придумав ничего, что хотя бы отдаленно напоминало семьдесят пять франков.

— Ясное дело, мне остается попросту удрать отсюда, погода прекрасная, и мой друг случай, быть может, уже прогуливается на солнышке. Ему поневоле придется позаботиться обо мне, пока я не придумаю, как расплатиться с господином Бернаром.

Шонар набил глубокие как пропасть карманы пальто всем, что они могли вместить, собрал узелок белья и покинул свое обиталище, не забыв обратиться к нему с кратким прощальным словом.

Но стоило Шонару выйти во двор, как швейцар, по-видимому карауливший его, сразу же его остановил.

— Послушайте, господин Шонар, — воскликнул он, преграждая ему дорогу. — Неужто вы забыли? Нынче восьмое число!

— Восемь! Цифра роковая!

«Как ее мне избежать? — промурлыкал Шонар. — Я только об этом и думаю».

— Вы малость замешкались с переселением, — продолжал швейцар. — Сейчас половина двенадцатого, а новый жилец, которому сдали вашу комнату, может прибыть с минуты на минуту. Вам надо бы поторопиться.

— В таком случае пропустите меня, — ответил Шонар, — я иду за фургоном.

— Так, так. Но прежде чем съехать с квартиры, надобно выполнить небольшую формальность. Мне приказано не выпускать вас, покамест вы не уплатите за три пропущенных срока. Вы, конечно, при деньгах?

— Ну разумеется, — ответил Шонар, делая шаг вперед.

— В таком случае, — продолжал швейцар, — зайдите ко мне в швейцарскую, я выдам вам расписку.

— Я ее возьму на обратном пути.

— А почему не сейчас? — настойчиво спросил швейцар.

— Я иду к меняле... У меня нет мелочи.

— Вот оно что! — тот с тревогой. — Вы идете за мелкими деньгами? В таком случае позвольте вам услужить и взять узелок, что у вас под мышкой. Он вас обременит.

— Господин швейцар, вы, кажется, мне не верите? — с достоинством возразил Шонар. — Неужели вы думаете, что в этом свертке я уношу свою мебель?

— Простите, сударь, так мне велено, — сказал швейцар, несколько понизив тон. — Господин Бернар наказал мне не давать вам вынести ни единого волоска, покуда вы с ним не рассчитаетесь.

— Ну посмотрите, — сказал Шонар, развязывая сверток, — тут нет никаких волос, тут сорочки, которые я несу к прачке. Она живет около менялы, в нескольких шагах отсюда.

— Тогда другое дело, — пробурчал швейцар, увидав содержимое узелка. — Простите за нескромность, господин Шонар, нельзя ли узнать ваш новый адрес?

— Я поселился на улице Риволи, — холодно ответил художник, одной ногой он уже ступил на тротуар и тут же пустился наутек.

— На улице Риволи! — шептал швейцар, прочищая пальцем нос. — Странно, что ему сдали комнату на улице Риволи, даже не справившись у нас. Очень даже странно! Но как бы то ни было, мебель ему не унести, покуда он не рассчитается. Только бы новый жилец не заявился как раз в то время, когда господин Шонар станет переезжать. На лестнице поднимется галдеж. Вот так штука! — вдруг воскликнул швейцар, высунувшись в форточку. — Так оно и есть! Новый жилец!

В вестибюле появился молодой человек в белой шляпе времен Людовика XIII, за ним следовал носильщик с какими-то не слишком тяжелыми пожитками.

— Скажите, моя квартира освободилась? — спросил молодой человек у швейцара, который поспешил ему навстречу.

— Нет еще, сударь, но вот-вот освободится. Господин, который там жил, пошел за фургоном, чтобы увезти свои вещи. А покамест, сударь, вы можете поставить мебель во дворе.

— Боюсь, как бы не пошел дождь, — ответил молодой человек, спокойно покусывая букетик

фиалок, который он держал в зубах. — Мебель может попортиться. Носильщик! — обратился он к человеку, стоявшему за его спиной с ворохом каких-то предметов не вполне понятного назначения. — Сложите все это в передней, вернитесь на мою прежнюю квартиру и доставьте сюда остальную ценную мебель и предметы искусства.

Носильщик прислонил к стене несколько рам, обтянутых холстом, высотой в шесть-семь футов, рамы эти, в данный момент сложенные гармошкой, по-видимому, можно было при желании раздвинуть.

— Смотрите-ка! — сказал молодой человек, обращаясь к носильщику и указывая на одну из рам, где светилась дырочка в холсте. — Какая досада! Вы повредили мое венецианское зеркало! Когда понесете остальные вещи, будьте поосторожнее. Особенно берегите библиотеку.

— О каком это венецианском зеркале он толкует? — с тревогой промолвил швейцар, вертевшийся возле рам, приставленных к стене. — Никакого зеркала не вижу. Верно, пошутил. Тут просто ширма. Посмотрим, что принесут во вторую носку.

— Когда же ваш жилец освободит комнату? Уже половина первого, я хотел бы устроиться, — сказал молодой человек.

— Вряд ли он теперь задержится, — отвечал швейцар. — Да беда не велика, раз вашей мебели еще нет, — добавил он многозначительно.